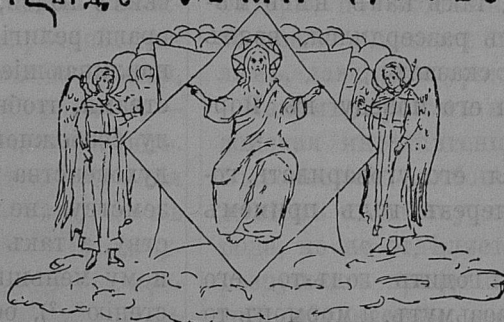


БОЖІА ПИВА

СЕ ІЗЫДЕ СЪМІ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ ВРАНИ
ТЕ МНѢ.



АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОЦЪ ВИ
ДАТЬ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.



Троицкіи Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ЖИЗНЬ ПО ВѢРѢ, КАКЪ ЦѢЛЬ ВОСПИТАНІА.

(Къ вопросу о жизненности преподаванія въ школѣ уроковъ вѣры и нравственности).

Не нужно, правда, скрывать, что на ряду съ утѣшительными фактами, говорящими о важности жизненно-практическаго преподаванія православно-хрістіанскихъ истинъ, встрѣчаются и иные, показывающіе недостатки въ воспитывающемъ обученіи, часто ограничивающемся „читательскою выучкою“. Въ одной школѣ былъ, напр., слѣдующій случай,—разказы-

ваетъ сельскій батюшка. „Въ первыхъ числахъ сентября мы съ учительницей объявили начало приѣмки въ школу. Сообразуясь съ помѣстительностью школы и съ числомъ учениковъ первыхъ двухъ отдѣленій, мы рѣшили принять пятьдесятъ человѣкъ, но оказалось желающихъ гораздо больше. Кое-какъ еще помѣстили человѣкъ десять-пятнадцать, а остальныхъ про-

силы ждать до слѣдующаго года. Нѣкоторые сердились, иные бранили насъ, а мы молчали. Одинъ крестьянинъ пришелъ въ школу съ сыномъ уже въ концѣ сентября. Я ему, какъ и многимъ другимъ, сказалъ, что сына его принять нельзя, такъ какъ нѣтъ мѣста. Крестьянинъ разсердился, взялъ сына за руку и сказалъ:

— Ну такъ я его поведу къ мормону учиться!

Я было взялся его уговаривать, говоря, что мы черезъ годъ примемъ его сына.

— Што мнѣ годить годъ-то, его въ солдаты не возьмутъ, а мормонъ-то его выучить не хуже вашего.

Я крестьянину сказалъ на это, что вѣрно, мормонъ, можетъ быть, выучить не хуже нашего, но не выучить его страху Божію, не сдѣлаетъ изъ него истиннаго хрістіанина, а наша школа имѣетъ въ виду это, это—ея задача.

— Хороша задача! То-то вы и развели своей школой мормонство-то. Вѣдь Архипъ Васильевичъ (мормонскій хрістосъ) тоже здѣсь учился, а посмотри, какъ онъ церковь - то любитъ—страсть. Эта самая грамота многихъ съ панталыку сбиваетъ. До-прежъ, знаешь, грамоты не знали, ну и вѣрили такъ, какъ мамка учила, а теперь кажиный толкуетъ по своему. Что же это ваша школа теперь молоняты въ православіе не переводить, коли она страху Божію учить. Вѣдь они, парнишки, всѣ грамотны и всѣ у васъ же учились“¹⁾...

Но и подобные факты отрицательнаго характера являются только лишнимъ доказательствомъ того, что жизнь истинно-народной школы бываетъ пол-

ною и всестороннею лишь только тогда, когда она разливаетъ животворный свѣтъ хрістіанскаго просвѣщенія, что только нравственно-облагораживающая школа можетъ всецѣло завладѣть симпатією не только православно-русскихъ людей, но и иновѣровъ. Правда, враги религіознаго обученія, не останавливающіеся ни передъ какими средствами, чтобы сдѣлать начальную школу безбожной, вырвать ее изъ рукъ духовенства и правительства и отдать земству, „не настоящему русскому земству, а такъ называемому прогрессивному меньшинству, чужеземному растенію“²⁾, обыкновенно ссылаются на Западъ... Но вѣдь и просвѣщеннѣйшія міровыя державы—Англія и Германія—заботливо усиливаютъ религіозный элементъ въ школахъ, и даже въ Америкѣ, гдѣ въ высшей степени трудно соблюсти принципъ равновѣсія между многочисленными вѣроисповѣданіями, и тамъ школа остается наставницею въ хрістіанской жизни. Известно покрайней мѣрѣ, что Америка болѣе $\frac{1}{4}$ своего бюджета, свыше 400 милліоновъ рублей, расходуетъ на народное образованіе. Еще въ 1647 году она издала актъ объ обязанности религіознаго обученія... Этоть-же взглядъ на воспитывающее обученіе дѣтей остается тамъ господствующимъ и до настоящаго времени. Такъ, недавно завѣдующій народнымъ образованіемъ въ Америкѣ³⁾ въ отчетѣ за 1890 годъ, между прочимъ, говорилъ, что „высшая цѣль воспитанія заключается не въ выгодахъ, доставляемыхъ силой для эгоистическаго пользованія человѣка, но въ доставленіи возможности послѣднему выполнить неизмѣнныя обязан-

¹⁾ Самарск. епарх. вѣдом. 1905, № 6, стр. 227—228.

²⁾ См. объ этомъ въ Мисс. Обзор. 1904 г. № 16, стр. 853.

³⁾ В. Т. Гаррисъ.

ности, возложенныя на него его мѣстомъ во вселенной, его отношеніемъ къ Богу и къ его ближнимъ. Тотъ, кто добываетъ знаніе только ради знанія, немногимъ лучше того, кто добываетъ деньги только ради денегъ... Школа есть вспомогательное учрежденіе, созданное ради упроченія четырехъ устоевъ цивилизаціи—семьи, общества, государства и Церкви“⁴⁾.—И это не единоличный только взглядъ. Этотъ же взглядъ на цѣль обученія дѣтей проводится, на примѣръ, и въ школьныхъ законахъ штата Массачусетса. Здѣсь говорится: „учителя, преподаватели и профессора учебныхъ заведеній должны употреблять всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы внушить ввѣреннымъ имъ дѣтямъ и юношеству принципы благочестія и справедливости и благоговѣйнаго уваженія къ правдѣ, любовь къ родинѣ, къ человечеству и общественному благу, и всѣ вообще добродѣтели, которыя составляютъ украшеніе человѣческаго общества и основу государства“⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ школьной программы отъ учителей требуется развитіе въ дѣтяхъ „самоконтроля, самоограниченія, повиновенія законамъ и благоговѣнія предъ Богомъ и священными предметами“. Мало этого. Въ американскихъ школахъ для болѣе подробнаго изученія Закона Божія въ духѣ своей церкви у своихъ духовниковъ дѣтямъ дается два свободныхъ дня, въ которые они подробно и добросовѣстно изучаютъ катихизисъ, молитвы, священную исторію и богослуженіе. Такихъ воскресныхъ школъ въ Америкѣ до ста тысячъ съ семью милліонами учащихся. Духо-

внымъ лицамъ помогаютъ и свѣтскіе—мониторы въ числѣ болѣе девятисотъ тысячъ человѣкъ.

Занятія по Закону Божію происходятъ или въ церквахъ, или же въ самыхъ школахъ. Такъ, въ провинціи Онтарио по окончаніи уроковъ, школа предоставляется священнослужителямъ, дающимъ уроки питомцамъ⁶⁾.

Такимъ образомъ видно, что Американская интеллигенція, проникнутая благочестіемъ, любовью къ родинѣ, уваженіемъ къ закону, идетъ впереди народа, но не отдѣляется отъ него, не разрушаетъ преданій, не мѣняетъ путей: *идя впереди, она расчищаетъ дорогу*, руководясь компасомъ вѣры, исторіи и общаго всѣмъ народнаго духа; она удовлетворяетъ запросы народа, уясняя, укрѣпляя, развивая его духовную сущность.

Руководимая такой интеллигенціей, американская школа была и остается созданіемъ коллективнаго генія націи, плотью отъ плоти, костью отъ костей ея. Американская школа учитъ тому, чему желаютъ учить американцы—христіанскому знанію, нравственности, труду, порядку, послушанію, дисциплинѣ, любви и уваженію къ родинѣ. Американская школа—*по сердцу народа*,—въ этомъ ея преимущество предъ всѣми школами міра⁷⁾. Въ этомъ же, быть можетъ, заключается и притягательная сила американской школы, благодаря которой въ Америкѣ оказывается достигнутымъ идеаль всеобщаго обученія. Будетъ и наша русская школа любимымъ дѣтищемъ народа, если она станетъ плотью отъ плоти его, если она будетъ одухотворена сроднымъ ему духомъ... А чтобы

⁴⁾ См. объ этомъ у К. Ковалевскаго, „Народное образ. въ Соед. Штатахъ“.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ Миссіонер. Обзор. 1904 г. № 16, стр. 861.

ей быть таковою, она должна быть носительницею свѣта для народа.. Но не всякій-то свѣтъ любить нашъ народъ. Онъ жаждетъ свѣта животворнаго, будящаго его къ разумной жизни, согрѣвающаго его—холоднаго и голоднаго нравственно. Но даетъ ли школа этотъ свѣтъ?—спрашиваетъ одинъ батюшка ⁸⁾ и отвѣчаетъ: „мы набиваемъ головы своихъ учениковъ сухимъ матеріаломъ, заключающимся въ бездушныхъ, составленныхъ въ кабинетахъ, учебникахъ, игнорируя душу ребенка. А къ нему со всѣхъ сторонъ идутъ враги Царя и Церкви, за которыми онъ идетъ, такъ какъ не можетъ разобратся, гдѣ—истина, гдѣ—ложь, потому что мы его сердце не сдѣлали чистымъ, не направили на истинный Христовъ путь. Нужно, чтобы школа выпускала не грамотеевъ, а людей съ чистымъ сердцемъ, съ любовію, готовою обнять весь міръ. Дайте дѣтямъ свѣтъ Христовъ, зажгите въ ихъ сердцахъ любовь, а они распространять этотъ свѣтъ въ своихъ семьяхъ. Тогда въ деревнѣ будетъ и свѣтло, и тепло“.

И понятно, что этотъ свѣтъ и тепло распространяются не „методиками“ и „дидактиками“, не подражаніемъ „образцовому учителю“, у котораго на первомъ планѣ школьная выправка, не формально-дѣловитымъ отношеніемъ къ дѣлу, къ чему иногда привыкають питомцы средней школы—будущіе учителя народа... Все это только стираетъ влияніе личности учителя на крестьянское населеніе, тѣснитъ и мѣшаетъ сердечной, ласковой рѣчи учителя съ учениками и, доводя казовую сторону до совершенства, дѣлаетъ учениковъ холодными, отчужденными отъ учителя и школы. Все это можетъ помочь выучить съ успѣхомъ учебники, прой-

ти блестяще экзамены, прибавить работы типографіи, заготовляющей похвальные листы и льготныя свидѣтельства... Но это не дастъ дѣтскому духу полной настоящей жизни. Вотъ почему въ средѣ школьныхъ дѣятелей особенно отрадно видѣть такихъ, увы не чистыхъ, къ сожалѣнію, тружениковъ, которые считаютъ свое дѣло законченнымъ не послѣ удачнаго экзамена, не послѣ постиженія механизма славянскаго и русскаго чтенія, не послѣ простаго теоретическаго изученія положенныхъ по программѣ молитвъ и священной исторіи, а лишь послѣ того, какъ въ дѣтской душѣ затеплится огонь чистой любви къ добру, правдѣ и истинѣ, заляжетъ отрадный порывъ къ жаждѣ книжныхъ словесъ назиданія, каковая любовь и каковой порывъ только и могутъ быть ручательствомъ за неослабный интересъ учащихъ къ добру и нравственному благоповеденію...

Не нужно забывать того, что мы переживаемъ тревожные дни всеобщей ломки, когда народной школѣ особенно необходимо стряхнуть все, что мертвитъ школу. И это особенно слѣдуетъ сказать о церковной школѣ. И для этого не нужно ни роскошно устроенныхъ зданій, ни дипломированныхъ учителей, а — только доброе сердце учащаго. Все же остальное—приложится, только бы не была забыта главная задача, только бы не забылась та воспитательная цѣль, которую ставили для школы новаго типа ея основатели и которая ясно сознавалась древне-русскими насадителями грамотности—этой просвѣщенной интеллигенціей своего времени—свѣтской и духовной, отличавшейся отъ общенародной невѣжественной массы только свѣтлостью смысла и большей напряженностью религиознаго чувства... Само собой разумѣется,

⁸⁾ Ср. Самар. епарх. вѣд. 1905 г. № 6 стр. 227.

при этомъ, что если и для нашей деревенской школы возможна реформа въ смыслѣ возврата къ тому, о чемъ мечтали ея основатели и что забыли уже исполнители,—объ этомъ прежде всего нужно подумать епархіальнымъ и уѣзднымъ наблюдателямъ. Пусть они, какъ наиболѣе опытные въ пастырскомъ душепопеченіи дѣятели, покажутъ образецъ совершеннаго живаго дѣланія, образецъ сближенія религіознаго знанія съ жизнію. Пусть они входятъ въ школы не строгими судіями дѣлателей на нивѣ народныхъ сердець, а ихъ старшими друзьями, дабы воспитатель дѣтскихъ сердець всякій разъ провожалъ изъ школы въ лицѣ послѣднихъ не столько строгаго критика, мало объявшаго ихъ своею любовью, сколько опытнаго руководителя, показавшаго въ себѣ примѣръ мужа совершенна... И конечно, такая почтенная репутація любвеобильнаго дѣятеля на нивѣ дѣтскихъ сердець не дается легко. Здѣсь нуженъ и личный педагогическій опытъ и знаніе по возможности всѣхъ учебниковъ по Закону Божію въ цѣляхъ выборки изъ нихъ наиболѣе доступнаго и наиболѣе сближающаго Библию съ жизнію, вѣру съ нравственнымъ благоповеденіемъ руководства, которое можно было бы рекомендовать при объѣздахъ школъ другимъ трудникамъ школъ ⁹⁾).

Одновременно съ этимъ должна усугубиться, конечно, и просвѣтительная дѣятельность пастырей и вообще всѣхъ руководителей просвѣщенія, на нравственной обязанности которыхъ лежить

⁹⁾ Это обстоятельство, по-нашему, имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ теперь существуетъ цѣлая серія учебныхъ руководствъ и пособій по Закону Божію, такъ что труженнику школы—пастырю и учителю, дѣйствительно, безъ добраго совѣта бываетъ очень трудно разобраться въ нихъ...

прежде всего забота о закрѣпленіи ¹⁰⁾ уже достигнутыхъ народною школою успѣховъ въ области духовнаго развитія народа, а потомъ уже и забота о приумноженіи въ дѣтяхъ и религіозно-нравственныхъ житейскихъ навыковъ... А общія мѣропріятія, въ которыхъ можетъ выразиться дѣятельность труженниковъ на нивѣ дѣтскихъ сердець уже достаточно намѣчаются современною педагогикою. Развитіе вкуса къ назидательному чтенію, распространеніе въ народѣ книгъ священнаго писанія и другихъ полезныхъ общедоступныхъ изданій, хотя-бы при посредствѣ книгоношъ,—что уже съ пользой для дѣла практикуется въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, разборчивость въ выборѣ литературы и незатѣйливыхъ художественныхъ произведеній, сближеніе уроковъ вѣры съ жизнію—все это наилучшія средства для распространенія облагораживающаго вліянія честныхъ труженниковъ школы на народную среду....

Недавно одинъ изъ Московскихъ пастырей призывалъ семью къ внѣдренію въ дѣтскія сердца началъ вѣры и нравственности, началъ дѣятельной, подвижнической жизни о Христѣ ¹¹⁾... Но какъ бы хорошо было, если бы эти пастыри почаще указывали и на практическіе приемы для оживотворенія Хри-

¹⁰⁾ Къ этому не безъ основанія призываются пастыри Церкви въ виду того, что *крайніе элементы*, недовольные церковно-просвѣтительною дѣятельностію, начали противъ нее ожесточенную вражду, являющуюся, несомнѣнно, выразительнымъ признакомъ борьбы и противъ самой Церкви. Ср. Саратовскія епар. вѣд. 1905 г. № 7. стр. 429—430. См. также призывъ къ этому, обоснованный на данныхъ исторіи, въ Миссіонерск. Обзор., 1904 г. № 16, Октябрь, „Голосъ сельскаго пастыря о народномъ образованіи“ свящ. М. Платонова.

¹¹⁾ Священникъ І. Арсеньевъ. Моск. Вѣд. 1905. № 85, 27 Марта.

стова духа въ сердцахъ учащихся, если-бы они почаще вспоминали добрыя правила первохрістіанской древней Руси. А вотъ чему учила эта Русь. Митрополитъ Михаилъ, по совѣту котораго Владиміръ „даяти нача дѣти на ученє книжное“, „призываше къ себѣ учителей и наказываше (учаще) православіе и благочестіе крѣпко соблюдати и безумныхъ рѣчей и ненадобныхъ отметатися учити юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонравію и правдѣ и любви и зачалу премудрости страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію; учити же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и сладкимъ поученіемъ и ласковымъ разсужденіемъ противу коегождо силы и съ ослабленіемъ, да не унывають, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ Закона Господня на пользу души и тѣла.¹²⁾ Эта программа воспитанія, по которой „сила писанія“ становилась личной силой учащихся, а слово Божіе непреложнымъ закономъ жизни, обязательнымъ правиломъ нравственнаго благоповеденія ихъ,—эта программа оставалась неизмѣнною на Руси долгое время и послѣ, такъ что нижеслѣдующая православно русская мораль была для древне-русскихъ грамотеевъ не столько вождельнымъ идеаломъ, сколько завидною дѣйствительностію. Вотъ эта мораль.

„Чада моя милая! первое имѣйте въру праву... потомъ же и въ послушаніи Св. Апостолъ и Св. Отецъ.

Любовь имѣйте со всякъмъ человѣ-

¹²⁾ Степенн. кн. 1, стр. 143. Эти и др. справки изъ исторіи собраны въ „Очеркъ Исторіи ц.-прих. школы“, Миропольскаго.

комъ, а болѣ съ братією, не буди ино въ сердцѣ, а ино во устѣхъ, подѣ братомъ ямы не рый. Буди правдивъ.

Будьте смиренни и кротцы; въ гордаго бо сердце діаволь сидитъ.

Всего паче убогихъ не забывайте. Помните и милуйте странныя и гладныя, и темничны и своимъ сиротамъ милостивы будьте. Больного пристѣтите, надѣ мертвеца идете.

Чтите стара человека и родители своя.

При старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ равными и меньшими любовь имѣти.

Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣря, но мужское дѣло творите, како вы Богъ подасть, Божіе блюденье лѣплѣе есть человѣческаго.

Князю земли покаряйтеся, не рѣцѣте ему зла въ сердце своемъ и пріяйте ему головою своею.

Научися, вѣрнѣй человекѣ, быти благочестной дѣлатель! научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу поработанье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрыя дѣла Господа ради: мшаемъ—не мсти, ненавиимъ, либо гонимъ—терпи, хулимъ—моли“.

И эта наука жизненно-практическаго примѣненія началъ вѣры и нравственности преподавалась всегда съ „веселымъ сердцемъ“ подвизающимися на пользу просвѣщенія такъ какъ только любовь можетъ животворить великое дѣло и она то особенно цѣнна теперь, дондеже день не смѣнился тьмою,—доколѣ доброе дѣланіе не отнято изъ рукъ дѣлателей. И кто не знаетъ того, что теперь посягають и на это!..

Д. Введенскій.



ЭКЗАМЕНЪ.

(Набросокъ изъ дѣйствительности).

Раннее Майское утро. Мы ѣхали на экзаменъ въ одну изъ отдаленныхъ школъ, стоящихъ на рубежѣ двухъ уѣздовъ. Яркое солнышко озаряло влажную землю, птицы—наши лѣтнія гости—весело щебетали, словно переключаясь звонкими голосами. Наши лошади весело бѣжали по утренней росѣ и прохладѣ; на душѣ было такъ легко и отрадно... Но вотъ около 9 ч. утра мы уже были близки къ своей цѣли. Вонъ вдали, въ концѣ села П-ва, Богородскаго уѣзда, около храма, на возвышенномъ мѣстѣ, изъ за лѣса, уже ясно обрисовалось и большое выкрашенное зданіе церковно-приходской школы.—Въ этой-то школѣ и долженъ быть произведенъ экзаменъ. Школа была расположена близъ стариннаго вѣковаго парка и издали, казалось, была вся погружена въ зелень. Мы незамѣтно миновали сельскіе луга, поля, рѣчку, хозяйственные постройки, обогнули сельскій прудъ и въѣхали въ село. Крестьяне, бывшіе за работой, кто въ полѣ, кто около дома, весело и привѣтливо здоровались съ нами. Проѣхавши все село съ чистыми и свѣтлыми домиками зажиточныхъ поселянъ, мы спустились къ мостику, перекинутому чрезъ небольшой овражекъ и крутымъ подъемомъ подъѣхали къ школѣ, изъ которой гулко доносился веселый говоръ собравшихся въ школу дѣтей: все жужжало, шумѣло... Помолвившись на храмъ и отряхнувши дорожную пыль, не безъ затаеннаго удовольствія мы вошли въ школу, которая прежде всего поразила насъ своей внѣшней чистотой, безукоризненной опрятностью; въ школѣ было свѣтло отъ мно-

жества большихъ оконъ и легко дышалось. Въ передней школы насъ привѣтливо, побратски, встрѣтилъ о. завѣдующій школой—мѣстный священникъ и законоучитель, а съ нимъ и учитель, который подошелъ къ намъ подъ благословеніе. Какъ только мы вошли въ классное помѣщеніе и помолились передъ большимъ училищнымъ образомъ Спасителя, тотчасъ же началась утренняя молитва, предваренная возгласомъ о. законоучителя, съ пѣніемъ пасхальныхъ тропарей. Ученики, всѣ какъ одинъ, стройно пѣли подъ руководствомъ своего батюшки и учителя; среди школы стоялъ одинъ ученикъ „изъ старшихъ“ съ часословомъ въ рукахъ, и громко и внятно читалъ положенныя молитвы. Дѣти горячо и усердно молились, истово кладя на себѣ крестное знаменіе; уста ихъ шептали слова молитвы; лица ихъ были сосредоточены и вдумчивы: всѣ они просили себѣ у Господа успѣха, всѣ они желали, видимо, какъ можно лучше отвѣтить и показать приобрѣтенныя въ школѣ знанія, все доброе, которое дала имъ школа. Чинно и благоговѣйно шла молитва дѣтей. Но вотъ она и окончилась, и батюшка сдѣлалъ отпустъ. Въ школѣ были родители и родственники учениковъ; добрыя старушки и дряхлые старички и тѣ пришли сюда порадоваться за своего грамотея внученка или внучку. По окончаніи молитвы, дѣти громко и привѣтливо обратились къ намъ: „Христось воскресе, батюшка, здравствуйте!“ Мы отвѣтили имъ и похвалили ихъ пѣніе. Вслѣдъ за симъ дѣти стали быстро безъ шума одинъ за другимъ подхо-

дять подь благословеніе и опять занимали свои мѣста, сперва подходили мальчишки, потомъ дѣвочки (школа была смѣшанная).

Всѣ были чисто и опрятно одѣты, одежда и обувь носили, повидимому, слѣды долгаго и упорнаго приготовления, прежде чѣмъ были надѣты... На всемъ и на всѣхъ былъ праздничный и торжественный видъ. Школа внутри была убрана зеленью и цвѣтами, которыхъ по случаю ранней весны было много. Въ убранствѣ школы была видна опытная, заботливая рука, растворенная любовью и привязанностью къ школѣ и къ дѣтямъ. Батюшка любезно пояснилъ намъ: „это сами ученики убирали школу, они собирали цвѣты, они же въ украшеніи школы давали различныя, красивыя формы живой весенней благоухающей зелени“. Особенно богато и искусно были убраны цвѣтами икона и портретъ Государя Императора, Вѣнценоснаго Покровителя приходскихъ школъ; далѣе шли по стѣнамъ портреты святителей и картины изъ священной исторіи; все дышало свѣжестью и чистотою. Не сразу мы могли приступить къ исполненію цѣли нашего пріѣзда — къ экзамену школы: все—всякій уголокъ привлекалъ наше вниманіе, все чарующе радовало насъ. Здѣсь во всемъ была видна жизнь, дѣятельная связь дѣтей съ учащими. Видимо, праздничное убранство школы умиляло и благотворно дѣйствовало и на пришедшихъ въ школу поселянь: старожилы не скрывали своего одобренія. „До чего мы дожили-то, слышались иногда голоса поселянь, и свѣтъ и просторъ и столы ребятишкамъ, а книжки, книжки-то какія, — только учись, Бога помни да Царя милостивца почитай“... И намъ здѣсь невольно пришло на мысль: вотъ гдѣ истинная

связь населенія со школою, вотъ гдѣ сила школы церковной, вотъ гдѣ истиннѣ свѣтъ во тьмѣ свѣтится и при маломъ свѣточѣ.

Давши просторъ чувствамъ, мы, наконецъ, сѣли за поставленный среди школы столъ, сѣлъ батюшка и учитель и по одолѣ немного—попечитель школы—благообразный старичекъ мѣстный крестьянинъ. Всѣ затихли,—замолкли... Минута для сельской школы была торжественная, умилительная... Начался экзаменъ. Выбрана была статья для диктанта: „Основаніе Троице-Сергіевой Лавры“. Учитель внятно прочиталъ, а дѣти взялись за ручки, набожно три раза перекрестились и начали сосредоточенно писать. Написали чисто, опрятно и грамотно, такъ что большаго, пожалуй, отъ школы съ трехгодичнымъ курсомъ и ожидать нельзя. Затѣмъ ученики выходили къ столу по вызову, при этомъ всегда ласково, учтиво кланялись. Отвѣты по Закону Божію не только отличались, но и поражали своею осмысленностью—видно, что сѣмена вѣры глубоко запали въ ихъ дѣтскую душу свѣтлую и воспримчивую. Радовали отвѣты учениковъ и по другимъ предметамъ; прекрасно было поставлено псалмодическое чтеніе псалтири и сознательное чтеніе Евангелія по удареніямъ, по знакамъ припинанія и по титламъ. Эта обычная сторона школы церковной удовлетворяла насъ, и особенно радсвала и приводила въ восторгъ родителей и родственниковъ учениковъ, присутствовавшихъ въ школѣ на экзаменѣ. Напряженіе отдѣльныхъ изъ числа сихъ лицъ каждый разъ возрастало и усиливалось, когда отвѣчалъ по очереди сынокъ, дочка или внучка того или другаго. Чѣмъ бойчѣе и живѣе былъ отвѣтъ: громче, несдержаннѣе

вырывался восторгъ отца, матери или дѣда: глаза блистали слезами радости и умиленія.

Впрочемъ, все сказанное нами общая неотъемлемая характеристика доброй приходской школы. Но въ этой школѣ пріятно поразило насъ и еще одно обстоятельство, которое и дало намъ поводъ остановиться на этой школѣ. Мы прибыли въ школу въ 10-мъ часу. Когда экзаменъ начался, школьные старинные большіе часы пробили десять. Въ этотъ моментъ, оставивъ свою работу, всѣ дѣти, какъ одинъ, начали креститься, истовымъ большимъ крестомъ, сидя на своихъ мѣстахъ, до тѣхъ поръ, пока бой часовъ стихъ. Мы невольно встрепенулись отъ неожиданности и виноватой невнимательности и сами поспѣшили ихъ доброму хорошему примѣру... Вотъ поистинѣ... будьте яко дѣти!.. Это повторялось каждый разъ, когда начинался бой часовъ въ 11 въ 12. Когда же часы били 1, 2, 3 часа, дѣти крестились по 3 раза, а въ прочихъ случаяхъ по числу боя часовъ. О. законоучитель пояснилъ намъ, что такъ бываетъ въ учебное время на занятяхъ; тоже самое дѣти исполняютъ и дома, когда слышатъ бой часовъ. Оче-

видно дѣти освоились съ этимъ благочестивымъ обычаемъ и совершаютъ это тихо, безшумно, благоговѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, эта добрая сторона школьной дисциплины заставляетъ подумать: почему бы не ввести указанный пріемъ отмѣчать теченіе времени, возвѣщаемое боемъ часовъ, крестнымъ знаменіемъ во всѣхъ школахъ. Кажется, на часахъ Страсбургскаго собора при смѣнѣ cadaго часа выходитъ обликъ Апостола и возвѣщаетъ о еще, еще и еще минувшемъ часѣ и о приближеніи часа смертнаго. Какъ было бы хорошо, если и дѣти, такимъ образомъ, пріучались бы, по Апостолу, молиться всегда, на всякомъ мѣстѣ, привыкали бы молиться благоговѣнно, истово. И мы вѣримъ, что этотъ добрый маленькій навыкъ останется у нихъ на всю жизнь. Да, какъ можно много сдѣлать при любви къ школѣ и малымъ симъ!.. Цвѣти же разсадничекъ чистаго знанія—невольно пожелали мы, оставляя уютную приходскую школу и по вечерней прохладѣ возвращаясь домой,—цвѣти и не давай сгаснуть пламени вѣры въ сердцахъ нашихъ поселянь!..

Священникъ *В. Введенскій.*

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

2 Сентября. Во время нынѣшняго ваката мы съ о. завѣдующимъ ѣздили въ одно подпензенское село къ его родственникамъ. На пути изъ Абашева намъ пришлось посѣтить одного знакомаго о. завѣдующему священника о. N—скаго, который очень мнѣ понравился, потому что жизнь его вполнѣ

сходственна съ жизнью знаменитаго протоіерея Наумовича.

Домъ о. N—скаго стоитъ на высокомъ холмѣ, крутымъ своимъ склономъ обращенномъ къ югу. Склонъ этотъ, какъ я узналъ послѣ, до поступления въ сей приходъ о. N—скаго представлялъ изъ себя печально-каменное мѣсто, на которомъ росъ одинъ

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 42.

бурьянъ и другія сорныя травы, да и то только до извѣстнаго времени—съ начала весны, но какъ только наступалъ конецъ ея и — начало лѣта, когда вешняя влага улетучивается изъ почвы, и эта жалкая растительность выгорала подъ палящими лучами солнца, такъ что склонъ холма опять превращался въ совершенно пустынное безжизненное мѣсто, покрытое исключительно камнемъ и пескомъ. Теперь же на этомъ мѣстѣ, благодаря неимовѣрнымъ трудамъ о. N—скаго, красуется если и не великолѣпнѣйшій, то, во всякомъ случаѣ, порядочный садъ съ пасѣкой. Въ этомъ саду не менѣе восьми колодцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до восемнадцати саженъ глубины. Отъ этихъ колодцевъ по всему саду проведены холщовые просмоленные рукава, посредствомъ которыхъ орошаются самыя отдаленныя отъ колодцевъ деревья сада и ягодныя кусты. Въ прекрасномъ дѣйствии этихъ рукавовъ я самъ убѣдился: когда мы съ о. N—скимъ наполнили водою стоящую около колодца кадку, къ которой пристроенъ рукавъ и направили послѣдній къ корню одной яблонки, то сильная струя воды заклокотала по рукаву къ корню деревца и, переполнивъ углубленіе около яблони, щедро напоила почву тою животворною влагою, которая такъ необходима для поддержанія и развитія жизни растений. Рукава эти, смотря по разстоянію деревьевъ отъ колодца, могутъ быть сдѣланы или длиннѣе, или короче и переносимы въ ту или другую стороны сада, требующую орошенія.

О. N—скій былъ настолько любезенъ, что показалъ мнѣ, какъ дѣлается такъ называемая очковая прививка, познакомилъ съ сортами яблонь, какъ выписываемыхъ имъ изъ Риги и другихъ

мѣстъ, такъ и приготовленными имъ самимъ въ собственномъ питомникѣ. Далѣе я познакомился съ его пасѣкой и уходомъ за нею. Вообще о. N—скій сообщилъ мнѣ много свѣдѣній по части садоводства и пчеловодства, а свѣдѣнія эти въ будущемъ мнѣ несомнѣнно пригодятся.

Долго я не забуду ночи, проведенной нами у этого священника. Съ вечера еще небо заволокли тучи и полилъ страшный ливень, а послѣ него подулъ холодный сѣверный вѣтеръ, такъ что о. N—скій сталъ не на шутку опасаться мороза, который могъ бы надѣлать массу вреда и саду и пасѣкѣ. Нужно было видѣть, какъ беспокоился заботливый священникъ! Сонъ бѣжалъ отъ него и поэтому онъ не ложился спать, а постоянно выбѣгалъ наружу, чтобы узнать—не стихаетъ ли вѣтеръ и не теплѣетъ ли температура. Но къ утру все было благополучно. Когда я проснулся, то встрѣтилъ батюшку съ сіяющимъ отъ радости лицомъ: онъ вслухъ благодарилъ Бога за то, что нависнувшая вчера гроза надъ взлѣянными его заботами и трудами „яблонками и пчелками“ миновала благополучно. Какъ только я всталъ и умылся, о. N—скій, въ ожиданіи чая, пригласилъ меня сходить съ нимъ на веранду, устроенную около его дома, полюбоваться майскимъ утромъ. Мы вышли изъ комнаты. Утро было прелестное: ясное солнце свѣтило ярко съ голубого безоблачнаго неба, вечерашняя буря утихла еще ночью и теперь даже малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ освѣженныхъ дождемъ зеленыхъ листьевъ яблонь; воздухъ былъ чистый, прохладный, свѣжій, оживляющій; онъ пріятно проникалъ въ грудь и всему тѣлу придавалъ бодрое настроеніе. Предъ нашимъ взоромъ раскинулась необъятная ширь и даль

равнины, на которой зеленѣлъ густой лѣсъ чередуясь съ обширными луговинами, пересѣченными блестящими полосками рѣкъ Мокши и Атмиса. На этой обширной равнинѣ то тамъ, то здѣсь выказывались бѣленькіе силуэты сельскихъ церквей, блестящихъ на утреннемъ солнцѣ своею ослѣпительною бѣлизною и свѣтлыми крестами. По лугамъ надъ болотами стелился густой туманъ, затянувшій мѣстами и нижнія опушки лѣсовъ. Съ колокольной села К—рья разливались мелодичные, ласкающіе душу звуки колокола, такъ мило и нѣжно пробуждавшаго окрестности отъ недолгаго сна весенней ночи. Въ лугахъ трещали неугомонные дер-

гачи (коростели), рѣзко нарушая утреннюю тишину, а передъ нами, шагахъ въ десяти, пріютившись въ густой листвѣ вѣтвистыхъ яблонь, весело шелкалъ соловушко, этотъ милый пѣвецъ нашихъ краевъ, краса утрѣ и вечеровъ благодатнаго мая.

Вскорѣ на веранду намъ былъ поданъ чай, за которымъ о. N—скій и сообщилъ мнѣ исторію своего сада и пасѣки, а потомъ показаль и свою столярную, гдѣ онъ собственноручно дѣлаеть различную мебель и рамочные улья.

Ну, развѣ я неправъ, сравнивая достопочтеннаго о. N—скаго съ знаменитымъ протоіереемъ Наумовичемъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учит. *Е. Нуликовъ.*

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XLIII.

Успѣхи Полтавскихъ школъ.

Настоящій очеркъ мы посвятимъ обзоръ *Полтавскихъ* школъ, отличающихся, какъ мы неоднократно замѣчали, примѣрными во многихъ отношеніяхъ успѣхами своей дѣятельности.

Уже въ 1901 г. епархія имѣла до 568 школъ церковно-приходскихъ, и 533 школы грамоты, съ учащимися—29603 мальчика и 16161 дѣвочекъ.

Дѣло завѣдыванія школами за немногими исключеніями всецѣло лежало на обязанности мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Законоучителями также почти вездѣ состояли священники; въ школахъ грамоты на половину были законоучители изъ священниковъ и на половину преподаватели Закона Божія. Преподавателями Закона Божія были діаконы, свѣтскія лица изъ окончившихъ духовную семинарію и

учительницы съ образованіемъ изъ Епархіальнаго женскаго училища. Учителями почти на половину состояли члены клира, и на половину свѣтскіе учителя и учительницы. Въ образовательномъ отношеніи болѣе половины учащихся всѣхъ школъ суть лица правоспособныя, т. е. получившія среднее образованіе или выдержавшія испытаніе на званіе учителя.

По общему отзыву Уѣздныхъ Отдѣленій и наблюдателей, завѣдующіе школами священники и законоучители въ большинствѣ своемъ, за немногими исключеніями, относились къ школьному дѣлу съ любовію и стараніемъ, какъ одной изъ существенныхъ сторонъ своего пастырскаго служенія. Обыкновенно завѣдующіе школами священники озабочивались устроеніемъ, благоустроеніемъ и содержаніемъ школьныхъ помѣ-

щених; они подыскивали для своихъ школъ учащихся и изыскивали средства для содержанія ихъ. Какъ завѣдываніе, такъ и законоучительскій трудъ, кромѣ немногихъ исключительныхъ случаевъ, священники несли бесплатно. Нравственные силы для несенія этого труда и нелегкаго и не вознаграждаемаго, несомнѣнно, могло дать только убѣжденіе въ святости церковно-просвѣтительнаго дѣла, только любовь къ Церкви и ея органу — школѣ. Діаконы и псаломщики, а равно не состоящіе въ клирѣ учителя и учительницы также отдавались учебно-воспитательному труду въ школѣ со всею усердіемъ.

Воспитательная сторона въ дѣлѣ обученія и во всей жизнедѣятельности школы была предметомъ особеннаго вниманія и заботы какъ со стороны руководителей школьнаго дѣла по уѣздамъ, такъ и со стороны дѣятелей отдѣльныхъ школъ. Въ сознаніи о.о. завѣдующихъ школами и законоучителей, а также учителей и учительницъ все глубже проникаетъ мысль о долгѣ ихъ не только обучать, но и воспитывать. И весьма многіе изъ нихъ дѣйствительно стараются сообщать порученнымъ имъ дѣткамъ не только полезныя книжныя знанія, но и разъяснять имъ правила добраго поведенія, стараются внушить имъ доброе религіозно-нравственное настроеніе, привить ихъ душѣ и тѣлу добрыя навыки въ духѣ завѣтовъ св. Церкви.

Изъ школьныхъ предметовъ обученія самымъ сильнымъ средствомъ воспитывающаго вліянія является, конечно, Законъ Божій. Хотя въ несовершенныхъ школахъ попадалась механическая выучка уроковъ Закона Божія, однако вездѣ у добрыхъ законоучителей уроки являются пастырскою бесѣдою отца съ дѣтьми. У добрыхъ законоучителей не только заучивались сознательно необходимыя свѣдѣнія, но дѣлалось также примѣненіе изучаемаго матеріала къ личной жизни дѣтей, дабы они въ собственной своей жизни могли сознательно осуще-

ствлять то, чему поучаетъ Законъ Божій. Воспитывающее вліяніе не отдѣлимо также отъ рядовыхъ уроковъ и у добрыхъ учителей и учительницъ учебныхъ предметовъ. Назидательно-полезный подборъ статей для чтенія, выборъ стихотвореній и басенъ для заучиванія является также сильнымъ воспитательнымъ средствомъ. Добрые учителя и учительницы при объясненіи читаемыхъ статей давали соотвѣтствующія нравственные наставленія. Это въ значительной степени усиливало интересъ къ уроку какъ у дѣтей, такъ и у учителей.

Утренняя молитва предъ началомъ классныхъ занятій вездѣ исполнялась по школамъ въ учебные дни. Обыкновенно предъ класснымъ св. образомъ зажигали лампаду, и впередъ съ Учебнымъ Часословомъ выступалъ очередной ученикъ или ученица старшаго отдѣленія. Остальныя дѣти также выступали на средину комнаты, становясь, по возможности, рядами. Стоять во время молитвы за скамьями для дѣтей неудобно, какъ потому, что при этомъ нельзя положить земной поклонъ, такъ и потому, что за скамьями имѣется много поводовъ держать ноги, руки и всю фигуру неправильно или неблагоговѣнно. При чтеніи молитвъ обязательно исполнялись пѣніемъ: „Царю небесный“, „Отче нашъ“, „Богородице, Дѣво, радуйся“, „Спаси, Господи, люди Твоя“, и „Достойно есть“; къ этому въ хорошихъ школахъ присоединяли тропари — дневной или праздничный и храмовой. Молитва Господня въ большинствѣ школъ исполнялась съ преклоненіемъ колѣнъ. При молитвѣ обязательно присутствуетъ учитель или учительница, а во многихъ случаяхъ и законоучитель, который полагаетъ уставное начало и творить отпустъ. По окончаніи молитвы въ нѣкоторыхъ школахъ читается священникомъ, а въ его отсутствіе учителемъ или учительницей дневное евангельское зачало по ряду съ указаніемъ его главной мысли, а потомъ сообщаются краткія свѣдѣнія о дневномъ святѣмъ. Вечер-

няя молитва исполняется дѣтми въ классѣ тотчасъ по окончаніи дневныхъ класеныхъ занятій, и въ томъ же порядкѣ, какъ и утренняя молитва. Только послѣ этой молитвы дѣти расходятся по домамъ.

Богослуженіе наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней и въ самые эти дни неопустительно и въ полномъ своемъ составѣ посѣщали тѣ школы, которыя находятся въ селеніяхъ, гдѣ есть св. храмы. Обыкновенно дѣти предварительно собираются въ школьное помѣщеніе и отсюда вмѣстѣ со своею учительницею или учителемъ, если послѣдній не членъ клира, чинно, во многихъ школахъ по-парно, отправляются въ церковь. Въ храмѣ дѣти вмѣстѣ со своими учителями становятся обыкновенно передъ солеей на опредѣленномъ мѣстѣ. При этомъ подготовленные чтецы изъ школьникова и школьницъ идутъ на клиросъ, а избранные мальчики идутъ въ алтарь, гдѣ по облаченіи въ стихари прислуживаютъ. Тамъ, гдѣ учителемъ состоитъ псаломщикъ или діаконъ, дѣти въ храмѣ находятся подъ ближайшимъ при-смотромъ церковнаго старосты или другого лица, кому поручить это священникъ. Гдѣ дѣти обучены, тамъ они поютъ при Богослуженіи и этимъ всегда въ высшей степени бываютъ довольны родители и прочіе прихожане. По тѣмъ церквамъ, гдѣ имѣются особыя хорошо организованные пѣвческіе хоры, тамъ школьники и школьницы исполняютъ пѣніе, положенное для лѣваго клироса. Образецъ въ семь подаетъ Полтавскій кафедральный Соборъ, въ которомъ, по благословенію Его Преосвященства, при пѣніи архіерейскаго хора на правомъ клиросѣ, на лѣвомъ клиросѣ поютъ дѣвочки соборной школы и вмѣстѣ съ ними мальчики школы Дома Трудолюбія. Изъ удаленныхъ отъ св. храмовъ хуторскихъ школъ дѣти являются къ Богослуженію, къ сожалѣнію, весьма не часто,—иногда только въ хорошую погоду. Нарядъ общественныхъ подводъ для этой цѣли не удается у на-

шего бѣднаго крестьянства. А пройти пѣшкомъ нѣсколько верстъ плохо одѣтымъ дѣтямъ въ осеннюю слякоть или въ зимнюю стужу также невозможно. Однако, по нѣкоторымъ школамъ по возможности преодолевали и эти трудности для частаго посѣщенія Богослуженія въ приходскомъ храмѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти удаленной отъ св. храма хуторской школы не являются къ Богослуженію, они утромъ въ воскресный или праздничный день собираются въ школу для чтенія и пѣнія утренней молитвы, при чемъ иногда по наставленію приходскаго священника, читается акаѣистъ или канонъ по молитвослову съ соответственнымъ пѣніемъ. При этой молитвѣ присутствуютъ и взрослые прихожане.

Кромѣ Богослуженія въ воскресные и общепраздничные дни, учащимися дѣтми нѣкоторыхъ школъ посѣщаемо было Богослуженіе и въ другихъ случаяхъ, по мѣстнымъ условіямъ. Напримѣръ, Сампсоніевская школа на полѣ Полтавской битвы каждый понедѣльникъ участвуетъ въ пѣніи акаѣиста предъ мѣстнотимымъ Троеручнымъ образомъ Богоматери, Николаевская Велико-Будицкая школа, Зѣньковскаго уѣзда, каждый четвергъ поетъ въ храмѣ акаѣистъ св. Николаю. Въ этихъ случаяхъ на богослуженіе пѣніе употребляется только одинъ часъ учебнаго времени. Въ свободное отъ учебныхъ занятій лѣтнее время питомцами нѣкоторыхъ школъ совершены паломническія путешествія въ монастыри и къ мѣстно чтимымъ святынямъ. Семь школъ Федіевскаго прихода, Полтавскаго уѣзда, вмѣстѣ со взрослыми прихожанами, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, съ приходскимъ священникомъ А. Сильвестровымъ и прочими членами причта и учителями во главѣ, совершили поклонническій походъ на поле Полтавской битвы. Здѣсь въ Сампсоніевскомъ св. храмѣ, по благословенію Его Преосвященства, при священнослуженіи

своего причта пришельцы стройно и величественно пѣли всю церковную службу, при этомъ всё они говѣли—исповѣдывались и приобщались св. Христовыхъ Таинъ. Воспитанники Преображенской школы г. Полтавы, съ своимъ учителемъ Я. Ураловымъ во главѣ, совершили походъ въ Лубенскій Спасо-Преображенскій монастырь, при чемъ по пути поклоннически обозрѣли св. храмы съ имѣющимися при нихъ разными археологическими достопримѣчательностями, посѣтили родину писателя Н. В. Гоголя, а въ самомъ монастырѣ говѣли. Воспитанники и воспитанницы Глибочанской школы, Переяславскаго уѣзда, во главѣ съ учителемъ, совершили путешествіе въ г. Кіевъ. Остановку имѣли въ Печерской лаврѣ, гдѣ имъ пища и помѣщеніе радушно предложены были лаврскимъ начальствомъ. Послѣ говѣнія и поклоненія св. мощамъ и другимъ святынямъ, имѣющимся въ монастыряхъ и св. храмахъ г. Кіева, юные путешественники и путешественницы ознакомились съ городомъ и его достопримѣчательностями, при чемъ надлежащія разъясненія даваемы были вездѣ сопровождавшимъ ихъ учителемъ.

Христіанскій долгъ исповѣди и св. Причастія въ теченіи великаго поста исполненъ дѣтьми всѣхъ церковныхъ школъ. Говѣли дѣти школой въ полномъ своемъ составѣ и вмѣстѣ съ своими учителями и учительницами вездѣ тамъ, гдѣ школы находятся вблизи церквей и вообще по тѣмъ селеніямъ, гдѣ находится приходская церковь. Дѣти хугорскихъ школъ вмѣстѣ съ своими учителями и учительницами общешкольнымъ порядкомъ говѣютъ, къ сожалѣнію, не вездѣ:—въ иныхъ мѣстахъ дальность разстоянія и непогода совсѣмъ лишаютъ возможности осуществить этотъ порядокъ. Гдѣ совершенно невозможенъ общешкольный порядокъ говѣнія, тамъ учащіяся дѣти говѣютъ вмѣстѣ съ своими родителями и со своими старшими въ семьѣ, когда они ѣздятъ въ село къ св. храму; въ разное

время въ теченіи великаго поста. Конечно, такой порядокъ нарушаетъ воспитательный и учебный строй школы, почему весьма желательно всяческое сокращеніе такихъ случаевъ. Въ теченіи великаго поста по многимъ школамъ дѣти говѣютъ два раза—на первой недѣли и на послѣдней. Кромѣ того, по женскимъ школамъ вездѣ говѣютъ учащіяся дѣвочки ко дню Введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы—21 ноября. Въ соотвѣтствіе этому во многихъ школахъ мальчики говѣютъ ко дню св. Николая—6 декабря. При говѣніи въ великій постъ дѣти посѣщаютъ Богослуженіе въ теченіи недѣли или 4—5 дней, въ Рождественскій постъ—всего 2—3 дня. Въ дни говѣнія дѣти по возможности собираются въ школу на одинъ часъ для религіозно-нравственнаго чтенія и бесѣды.

Какъ во св. храмѣ при Богослуженіи и во время классныхъ уроковъ въ школѣ, такъ и во внѣклассное время, когда дѣти находятся при школѣ, учащіе вездѣ почитали своимъ долгомъ наблюдать за дѣтьми—за ихъ взаимными отношеніями, благоповеденіемъ и порядкомъ. Дисциплина, будучи обязательнымъ условіемъ для правильнаго веденія учебныхъ занятій, вездѣ у добрыхъ наставниковъ и наставницъ служила важнымъ воспитательнымъ средствомъ. Правильно выдерживаемый строй школьной жизни, несомнѣнно пріучаетъ дѣтей къ аккуратности, къ внимательному исполненію своихъ обязанностей, способствуетъ выработкѣ и укрѣпленію разумныхъ житейскихъ навыковъ и порядочности. Особенное вниманіе обращали учащіе на то, чтобы отучать дѣтей отъ сквернословія и нечистоплотности. Серіозныхъ проступковъ со стороны дѣтей наша школа также не знаетъ. При случавшихся мелкихъ проступкахъ и шалостяхъ дѣтей учителя и учительницы употребляли мягкія мѣры, каковы—выговоръ, лишеніе мѣста, лишеніе права читать или прислуживать въ церкви, обращеніе къ родителямъ. Увольненіе изъ школы,

какъ послѣдняя мѣра, примѣнялась весьма рѣдко. Примѣненіе къ дѣтямъ грубыхъ и непозволительныхъ дисциплинарныхъ мѣръ понималось всѣми вѣдающими школы лицами, какъ явленіе нетерпимое въ церковной школѣ.

Общежитія имѣются для учащихся при нѣсколькихъ школахъ. Во всѣхъ этихъ общежитіяхъ строй жизни установленъ на обычныхъ для учебныхъ заведеній началахъ. Напримѣръ, въ одномъ изъ общежитій порядокъ жизни такой: въ 6 часовъ утра ученики встаютъ, сами убираютъ свои постели и спальную комнату и моются; въ 7 часовъ общая утренняя молитва и затѣмъ завтракъ; въ 8 час. 30 мин. начинаются классныя занятія и продолжаются до 2 час. 30 мин. по полудни; въ 3 часа обѣдъ; съ 3 до 5 часовъ отдыхъ и игры во дворѣ на свѣжемъ воздухѣ; отъ 5 до 8—съ перерывомъ идутъ вечернія занятія по приготовленію уроковъ къ слѣдующему дню; въ 8 часовъ ужинъ; съ 8 час. 30 мин. до 9 час. 30 мин. продолженіе вечернихъ занятій; въ 9 час. 30 мин. общая вечерняя молитва, и ученики идутъ спать, а очередные ученики въ теченіе получаса убираютъ свои классныя комнаты. При молитвѣ и при столѣ обязательно присутствуетъ очередной изъ учителей: подъ надзоромъ очередного учителя находятся ученики также во время неучебныхъ часовъ и при вечернихъ занятіяхъ. Уходятъ со двора въ мѣстечко также съ вѣдома очередного учителя. Пищевое продовольствіе каждаго изъ воспитанниковъ обходится 30 рублей въ годъ. Чтобы складъ школьной жизни по возможности не отрывалъ учащихся отъ труда родной для нихъ простой среды, учащіеся содержатся въ здоровой простотѣ при всѣхъ школьныхъ общежитіяхъ, исполняютъ сами необходимыя по дому работы и по уборкѣ своихъ помѣщеній. Воспитанницы женской второклассной и двухклассныхъ школъ по очереди принимали участіе въ работахъ по кухнѣ. При этомъ, напримѣръ, воспитанницы

Ждановской второклассной школы носятъ ту простую одежду, какая принята у нихъ въ домашнемъ быту, и ихъ объединяетъ только передникъ съ нашитымъ на немъ на груди синимъ крестикомъ.

Вліяніе церковной школы на учащихся въ ней деревенскихъ дѣтей и на все молодое поколѣніе весьма значительно. По общему признанію лицъ, близко стоящихъ къ народу и церковной школѣ, дѣти, прошедшія церковную школу, обнаруживаютъ благовоспитанность, мягкость и благородство. По заявленію Лохвицкаго Наблюдателя, „дѣтскую почтительность чаще всего приходится наблюдать при проѣздѣ черезъ село, гдѣ есть церковная школа. Издали еще замѣчается засуетившаяся толпа ребятшекъ: это церковно-школьники торопятъ ребятъ подняться съ мѣста и напередъ изучаютъ, какъ слѣдуетъ привѣтствовать; при самой встрѣчѣ они привѣтствуютъ снятіемъ шапокъ и поклономъ“. Въ устраненіи жестокости въ обращеніи со скотомъ и съ птицами обнаруживается тоже воспитываемая церковной школой мягкость и добросердечіе.

Подъ вліяніемъ церковной школы у молодого поколѣнія въ особенности, замѣчается подъемъ религіознаго настроенія и благочестія. Гдѣ вполне благоговѣйно стоять въ храмѣ школьники, тамъ подражаютъ имъ и тѣ дѣти, которыя не учатся въ школѣ. По сообщенію того же Лохвицкаго Наблюдателя, „всѣ учащіеся дѣти на Литургіи, при пѣніи Херувимской пѣсни, Тебе поемъ и молитвы Господней становятся на колѣни; по окончаніи Богослуженія всѣ учащіеся, по знаку своего учителя, чинно прикладываются къ св. иконамъ. Тѣ дѣти, которыя не учатся въ школѣ, стараются стать поближе къ школьникамъ, зорко присматриваются къ тому, какъ крестятся и преклоняютъ колѣни школьники, присматриваются къ тому, какъ школьники прикладываются къ св. иконамъ:—и во всемъ точно стараются подражать имъ“.

Отдѣльные мелкіе факты обнаруживаютъ доброе вліяніе школы и на учащихся въ ней и на окружающую ихъ среду. По сообщенію Гадячскаго отчета, „дѣвочки-ученицы Гадячской Преображенской церковно-приходской школы, а также ученицы Велико-Будищской школы по собственному желанію часть руководѣльныхъ работъ, сдѣланныхъ ими изъ своего матеріала (нѣсколько штукъ рубахъ, юбокъ, кофты, полетенець и чулокъ), отправили въ Гадячскій дѣтскій пріютъ. Дѣти пріюта, обрадованные подаркомъ, просили свою попечительницу г-жу Борисенкову передать добрымъ жертвовательницамъ ихъ искреннюю благодарность“. По сообщенію Лохвицкаго отчета, воспитанники Харьковецкой второклассной школы обнаружили добрую отзывчивость къ несчастнымъ въ томъ, что на „Пріютъ Царицы Небесной“ въ С.-Петербургѣ собрали въ своей средѣ значительную для школьниковъ сумму (12 руб. 29 коп.). По сообщенію Лубенскаго отчета, ученики Яблоновской школы на тотъ же Пріютъ пожертвовали около десяти рублей и на Миссіонерское Общество четыре рубля, окончившіе курсъ воспитанники и воспитанницы этой школы пожертвовали восемь рублей въ заведенный при школѣ неприкосновенный капиталъ. Кромѣ того, окончившія курсъ питомицы Яблоновской школы имѣютъ усердіе ежегодно украшать школьную икону вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Объ отношеніи окончившихъ курсъ воспитанницъ къ своей родной церковной школѣ и ея ученію можетъ свидѣтельствовать и слѣдующій фактъ. Пріѣзжаетъ въ школу (Зарѣчье, Пирятинскаго уѣзда) не-

ожиданно Епархіальный Наблюдатель, и пока онъ знакомился съ состояніемъ школы, явилось въ классное помѣщеніе до десятка подростковъ, повидимому изъ дѣвочекъ постороннихъ. На вопросъ: зачѣмъ онѣ пришли,—послѣдовалъ отвѣтъ: „а вѣдь мы тутъ учились“; онѣ явились въ школу по собственному желанію. Пришедшія были также спрошены и оказались вполне умѣлыми въ чтеніи, помнящими уроки Закона Божія, хорошими пѣвицами молитвъ,—и получили за это по книжечкѣ отъ Епархіальнаго Наблюдателя. Въ селѣ Дащенкахъ, Лохвицкаго уѣзда, образовался особый кружокъ приверженцевъ и любителей церковной школы, состоящей изъ семи человекъ. Цѣль этого кружка—упрочить въ приходѣ существованіе церковной школы устройствомъ приличнаго школьнаго зданія и затѣмъ благоустройствомъ его. Какъ народомъ понимается дѣло церковной школы, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Попечитель церковно-приходской школы въ с. Харьковцахъ, Пирятинскаго уѣзда, мѣстный козакъ пожертвовалъ для своей школы столбъ и къ нему звонокъ, чтобы съ высокаго столба разносилась по всему селу вѣсть о начинающейся предъ дневными занятіями утренней молитвъ въ школѣ. „Услышу звонъ, говоритъ жертвователь, то и я приду въ школу помолиться Богу съ дѣтьми, а то придутъ и другіе старики“. Въ словахъ этого простеца-попечителя обнаружилось инстинктивное пониманіе настоящаго смысла церковной школы, какъ религіозно-воспитательнаго, при церкви, учрежденія.

Изъ періодической печати.

Вопросъ о жизненности преподаванія въ школѣ уроковъ вѣры и нравственности есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ наиболѣе назрѣвшихъ

вопросовъ въ современной педагогикѣ. Но тѣмъ не менѣе въ печати не часто приходится встрѣчаться съ педагогическимъ опытомъ нашихъ тружени-

ковъ школъ, которые бы рѣшали или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовали его рѣшенію на основаніи данныхъ личнаго опыта. Небезъинтересная попытка въ этомъ родѣ дается между прочимъ въ нижеслѣдующей статьѣ, которой мы и даемъ здѣсь мѣсто.

Ред.

Религіозно - нравственное чтеніе въ связи съ преподаваніемъ Закона Божія въ народной школѣ ¹⁾.

Въ настоящее время, когда значеніе церковно-приходской школы въ народѣ окрѣпло, вопросъ о внѣклассныхъ бібліотекахъ при церк.-прих. школахъ—самый главный вопросъ. Эти бібліотеки служатъ связующимъ звеномъ между церк.-прих. школой и окончившими въ ней курсъ питомцами: пользуясь, подъ руководствомъ законоучителя или учителя, книгами изъ этой бібліотеки, они, уже вступившіе въ самостоятельную жизнь, не порываютъ сношеній съ своей воспитательницей—школой, а, напротивъ,—еще тѣснѣй съ ней соединяются, сознательно и любовно усваивая тотъ духъ, который возрѣвала въ нихъ школа. Укрѣпленные въ прекрасныхъ навыкахъ еще на школьной скамьѣ, они эти навыки переносятъ въ самую жизнь—какъ свою, такъ и окружающихъ. А то религіозное міровоззрѣніе, какое воспитывала (воспитывала, а не образовывала) въ нихъ школа, они сознательно и любовно расширяютъ и углубляютъ и примѣрами изъ обыденной жизни, и, если при школѣ имѣется бібліотека, изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ трактуется о рел.—нравственной жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго хрістіанскаго общества. Дѣти льнутъ къ этой бібліотекѣ въ надеждѣ найти въ ней не простое наслажденіе отъ чтенія, а именно осмысленный, глубоко-хрістіанскій взглядъ на тѣ или другія житейскія отношенія. Отсюда понятно, какъ разнообразно должна быть составлена бібліотека при школѣ: безъ превеличенія, она должна затрогивать всѣ вопросы крестьянской жизни, давать этимъ вопросамъ хрістіанское освѣщеніе и, притомъ, не приукрашая обыденную жизнь крестьянина, а рисуя ее во всей неподкрашенной правдѣ. Само собою разумѣется,

что только истинный художникъ и, притомъ, хрістіански настроенный можетъ изображать эту жизнь крестьянина, не рискуя, что называется, „за борть хватить“ въ этой обрисовкѣ. Перечитывая же тѣ книжки, какія предназначаются для народа, просто въ ужасѣ приходишь:—жизнь крестьянина рисуется мало того, что невѣрно, а иной разъ просто-таки кощунственно! Да развѣ это не кощунство, когда, вмѣсто правдиваго очерка, весь рассказъ подгоняется подъ излюбленную авторомъ „идейку“, чуждую и непонятную для народа, а если иногда и понятную, то противную? Не возмутительно-ли, въ самомъ дѣлѣ, когда эта „идея“, не выношенная народомъ, не выстраданная имъ, преподносится ему въ готовомъ видѣ и въ такомъ именно, въ какомъ автору *кажется*, что она интересна для него и полезна? Народъ прекрасно отвѣчаетъ этимъ господамъ—сочинителямъ:—„не про насъ писано“...; или:—„это насъ не касается“... Это не превеличеніе: отбирая у него книжки, случайно имъ приобрѣтенныя, я разспрашивалъ о прочитанномъ и мнѣ отвѣчали: „кто ее знаетъ, о чемъ тутъ?.. Такъ, пустое все“... Давая же брошюры рел.—нравственнаго содержанія, я послѣ провѣрялъ, какое впечатлѣніе произвела та или другая брошюра,—вотъ какое:—„да, какъ подумаешь, то-то мы живемъ не по-хрістіански!“ Развѣ это простой, но чрезвычайно определенный отвѣтъ не говоритъ за то, чего онъ ищетъ въ рел.—нравственномъ чтеніи? Ищетъ онъ, если можно такъ выразиться, осмысленія своей жизни, провѣряетъ свою жизнь жизнью святаго подвижника: нравственная красота послѣдняго неотразимо запечатлѣвается въ душѣ простака—читателя, онъ очарованъ, потрясенъ ею... и, понятно, въ своей обыденной жизни становится осторожнѣй, внимательнѣй, любовнѣй.—Это я говорю о взросломъ читателѣ изъ народа,—ну, а дѣти, питомцы церк.-прих. школъ? Нерѣдко приходится слышать, что дѣтямъ „не по плечу“ чтеніе рел.—нравственныхъ книгъ и брошюръ: дѣти засыпаютъ за ними... Дѣ, это отчасти правда, но знаете ли, почему иногда дѣти неохотно берутся за рел.—нравственное чтеніе? По двумъ причинамъ: школа не сумѣла заинтересовать ребенка р.—нравственнымъ чтеніемъ. А затѣмъ виноваты и авторы брошюръ: пиша книжку р.—нрав-

¹⁾ Тавр. Еп. Вѣд. 1905, № 10.

ственного содержанія, они не свѣряются ни съ возрастомъ учащихъ дѣтей, рассказывая событіе языкомъ взрослого человека,—ни съ потребностями дѣтей читать о близко ихъ касающемся, предлагая имъ рассказы изъ чуждой имъ жизни—да еще уснащая свои очерки массой именъ не русскихъ, названій городовъ и мѣстностей, о существованіи которыхъ дѣти и не слыхивали. А между прочимъ, какая благодарная тема для р.—нравственныхъ рассказовъ представляетъ обычная жизнь крестьянина! Да здѣсь не оберешься самыхъ животрепещущихъ темъ,—хотя бы: пьянство въ народѣ и его гибельные плоды съ рел. нравственной точки зрѣнія, убійственное положеніе женщины въ крестьянской семьѣ, забитой, загнанной, запуганной... Это, такъ сказать, отрицательныя темы, а положительные сколько! Въ народѣ, иногда грубомъ и жестокомъ, просвѣчиваетъ столько любви, состраданія, милосердія,—развѣ это не благодарныя темы для художественной обработки? А откуда въ народѣ, иногда грубомъ и звѣрски жестокомъ, эта любовь, состраданіе и милосердіе? Выводъ ясенъ: свѣтъ, непрестанно изливающийся на окружающій мракъ, изъ церкви Христовой и ни—откуда больше это высшее понятіе въ грубомъ народѣ о любви, состраданіи и милосердіи! Какимъ бы умиленіемъ охватилося все существо простого читателя: онъ бы благодарными слезами заплакалъ, ощутивъ въ себѣ эти качества и понявъ, откуда этотъ свѣтъ!..—Говорятъ еще:—рел.—нравственное чтеніе „не по плечу“ мальчику потому, что онъ не выстрадалъ опредѣленнаго взгляда на жизнь и житейскія отношенія, на самомъ себѣ не несъ еще тягостнаго житейскаго креста... Э, полноче господи! Дѣти крестьянъ совсѣмъ не то, что наши дѣти, холенія, тщательно оберегаемыя: чуть-ли не съ пеленокъ дѣти крестьянъ находятся въ предчувствіи грядущихъ испытаній—и матеріальныхъ, и нравственныхъ. Матеріальныя лишенія родителей налагаютъ на впечатлительную душу ребенка (а крестьянскія дѣти замѣчательно впечатлительны) извѣстный отпечатокъ: вы съ перваго же взгляда, если не обдѣлены зрѣніемъ, это подмѣтите. Еще скорѣй вы подмѣтите нравственный складъ ребенка: вотъ этотъ, на-примѣръ, ребенокъ росъ въ удушливой нравственной атмосферѣ, она заразила его,

въплась ему въ плоть и кровь;—а вотъ этотъ, какъ видно, изъ нравственной здоровой семьи:—изъ свѣтлыхъ, довѣрчивыхъ глазокъ лется незримо, но ощутительно ласка, вниманіе, если можно такъ выразиться—нравственная чуткость и впечатлительность,—такъ и хочется, право, обнять, приласкать, приголубить этого ангела... И какое, какъ подумаешь серьезно, великое назначеніе нашей школы:—оздоровить нравственно-искалѣченнаго ребенка—съ одной стороны, съ другой—чутко хранить и воздѣлывать въ другомъ съ такою любовью заложенное въ немъ въ семьѣ. Но школа и, скорѣй мы, учащіе смѣшиваемъ всѣхъ дѣтей во—едино. Какое заблужденіе! Нашъ долгъ—жить съ дѣтьми, ни на минуту не оставляя ихъ безъ надзора, однихъ предостерегая, другихъ даря той лаской, о которой всякій разъ подкажетъ воспитателю его педагогическій тактъ. Трудная, что и говорить, какая это трудная обязанность. Но когда вы во—очію увидите плоды вашей неусыпной бдительности, какую вы радость почувствуете! Устаютъ, вѣдь, за работой скучной и безплодной, но развѣ можно назвать эту работу скучной и безплодной? И не лѣнь наша, а недостатокъ разумнія дѣла отвращаетъ насъ отъ этой радостной работы: при разумній дѣла вы прекрасно разберетесь и въ учебномъ матеріалѣ, который вамъ нужно пройти съ учениками. Часто слышишь:—учебный матеріалъ необычайно скученъ. Но развѣ камни шлифуются затѣмъ, чтобы лежать имъ безъ употребленія? Изъ шлифованныхъ камней впоследствии создается зданіе, чрезвычайно красивое, законченное, какъ говорятъ, во всѣхъ деталяхъ. Изъ маленькихъ стаетекъ—этихъ камешковъ будущаго строенія—вы создаете великолѣпное строеніе:—шлифуйте-же тщательно эти камешки для будущей прочной, красивой и главное—нравственно—законченной постройки—и нѣтъ радостнѣй этой осмысленной и любовной работы!—Но перейдемъ къ главному вопросу нашей статьи: къ религіозно-нравственному воспитанію ребенка. Въ первомъ отдѣленіи заучиваются обыкновенно молитвы. Какой несносный трудъ долбить изодна—въ день слова молитвы, непонятныя для дѣтей и потому постоянно искажаемыя дѣтьми! Противъ этого механическаго способа изученія молитвы обыкновенно возражаютъ, что молитва

должна, такъ сказать, выноситься въ душѣ ребенка, чтобы разъ навсегда сдѣлалась его достояніемъ. Но не долго-ли придется ждать этого сознательнаго усвоенія дѣтми молитвы? Иногда, вѣдь, годами приобрѣтается это прочное и сознательное—любвное усвоеніе молитвы, а иногда цѣлой жизни мало для этого счастья... Нельзя-ли иначе посмотрѣть на дѣло? Нельзя-ли приохотить ребенка къ изученію молитвы? Нельзя-ли одновременно направить и мысль и чувство ребенка на это изученіе? Пусть, напр., дѣти будутъ въ постоянномъ, такъ сказать, ожиданіи молитвеннаго настроенія, которое изольется въ такой именно формѣ, что-ли, въ какой составлена молитва. Думается, они терпѣливо и любовно будутъ подниматься по этимъ ступенямъ молитвеннаго настроенія, постоянно будутъ въ радостномъ ожиданіи услышать новое, чудесное, и легко будутъ усвоить текстъ молитвы въ надеждѣ узнать и усвоить не одни слова, а ихъ глубочайшій смыслъ. А повседневная жизнь крестьянина представляетъ богатѣйшій матеріалъ, изъ котораго можно дѣлать заключенія именно для молитвы:—у крестьянина хлѣбъ не уродился—у кого просить хлѣба насущнаго? Спятъ на его голову несчастья за несчастьями не только матеріальныя, а и нравственныя:—къ кому обратиться за разумленіемъ, наставленіемъ, успокоеніемъ?.. Дѣти, повторяю, живутъ въ постоянномъ предчувствіи грядущихъ испытаній,—неужели, скажите, отвращать ихъ вниманіе отъ жизненныхъ невзгодъ?

Не лучше ли подготовить ихъ къ перенесенію этихъ испытаній съ молитвою не только на устахъ, но и въ сердцѣ! Попробуйте, такъ сказать, окунуться въ крестьянскую жизнь и, сообразно дѣтскому пониманію, рисуйте—не бойтесь: рисуйте ему эту жизнь правдиво, жизненно, картинно. Ребенокъ, я увѣренъ, сразу вдругъ иначе пойметъ ту жизнь, какую ежедневно видить: въ душѣ его если не переворотъ совершился, то онъ близокъ къ нему. Умѣйте пользоваться этимъ повышеннымъ настроеніемъ ребенка: не медля сообщайте ему понятіе о Богѣ и необходимости прибѣгать къ Немѣ съ молитвой, а главное—внушайте ему, какъ мы постоянно Его оскорбляемъ... Скажутъ, пожалуй:—„зачѣмъ преждевременно запугивать ребенка грядущими для него испытаніями?—Не-

окрѣпшій разсудокъ ребенка не въ силахъ осилить нахлынувшихъ на него впечатлѣній и, чего добраго, въ душѣ его преждевременно посѣется мрачный взглядъ на предстоящую жизнь“... Повидимому—неопровержимо; повидимому—мы, дѣйствительно, разрушаемъ поэзію дѣтской жизни:—дѣтя живетъ тѣмъ рядомъ несознанныхъ ощущеній и впечатлѣній, которыя, въ совокупности, представляютъ изъ себя, неповторяемую въ жизни, поэзію дѣтства... Можно-ли безнаказанно прикоснуться къ этой нѣжной, почти одухотворенной порѣ человѣческой жизни? Можно-ли безъ боли разрушить это счастье человѣка, единственное, несравненное?—Но, спрашивается, можно-ли обойти молчаніемъ и другіе запросы той-же дѣтской души? Часто въ душѣ ребенка съ необыкновенною силою вспыхиваетъ жажда молиться; но дѣтя, никѣмъ не руководимое, рѣшительно не знаетъ, о чемъ и какъ молиться... Не уловивъ этого настроенія дѣтяти, не лишаете-ли вы его самаго лучшаго счастья—сознательно и любовно помолиться? Замѣйте еще: разъ вспыхнула въ душѣ дѣтяти эта жажда помолиться и не нашла себя благоприятнаго исхода, въ ней естественно вспыхиваетъ рядъ нежелательныхъ ощущеній и впечатлѣній, которыя, развиваясь, со временемъ притупляютъ въ члвчкѣ его благородныя стороны:—безкорыстіе, отзывчивость на чужія страданія—какъ физическія, такъ особенно нравственныя и т. д.

Повидимому, однако, этотъ методъ преподаванія ничѣмъ не разнится отъ того, когда молитва является, такъ сказать, выводомъ изъ предварительной бесѣды съ дѣтми, когда она выношена въ душѣ. Но здѣсь есть и существенная разница:—тамъ вы подгоняете свою бесѣду къ изученію молитвы, а здѣсь молитва—прямой и естественный голосъ сердца; тамъ вы вынуждены, во всякомъ случаѣ, вести отвлеченную бесѣду съ дѣтми,—здѣсь, напротивъ, бесѣда живая, увлекательная, бесѣда именно отца съ дѣтми, любовная, сердечная.—Могутъ возразить, что этотъ способъ крайне трудный для законоучителя: нужно глубоко знать жизнь и потребности крестьянина, чтобы умѣло и художественно дѣлать выводы изъ нея молитвеннаго обращенія къ Богу. Но это возраженіе, по моему, крайне несостоятельно, если не больше—неумѣстно въ устахъ священника

и учителя: и тотъ и другой единственные люди, еще не порвавшіе связей съ народомъ и знающіе всю подноготную крестьянина. Мало этого: это люди еще не потерявшіе довѣрія крестьянъ. Понятно, бесѣда законоучителя и учителя сростается съ крестьяниномъ: она въ полномъ смыслѣ слова достойнаго крестьянина! Вотъ почему и школьники съ полнымъ довѣріемъ, по внушенію родителей, выслушиваютъ и любовно запоминаютъ каждое слово законоучителя или учителя. А если это слово согрѣто лаской, любовью, сердечностію? Да оно прямо-таки преобразуетъ дѣтскую душу!.. Тронутый въ своихъ сердечныхъ движеніяхъ, ребенокъ охотно, съ напряженнымъ вниманіемъ, будетъ усваивать молитвы—и именно глубочайшій ихъ смыслъ: этотъ возвышенный смыслъ такъ по душѣ будетъ ребенку, удовлетворяя возникшимъ потребностямъ его просвѣтленной души.— Еще, пожалуй, сдѣлаютъ возраженіе:—да невозможно такъ скоро пробудить въ дѣтской душѣ эти серьезные запросы къ жизни, къ этой ясной отчетливости жизненныхъ отношеній!.. Но развѣ вы забыли дѣтскую впечатлительность? Эта впечатлительность и способствуетъ усвоенію сокровеннаго смысла молитвы:—дѣти живутъ и мыслятъ образами, это своего рода поэты, и если вы образно рисуете имъ жизнь ихъ отцовъ и матерей, дѣти схватываютъ самую суть вашего разсказа: вамъ остается сдѣлать выводъ изъ усвоеннаго дѣтми... Тутъ уже дается толчекъ ихъ мыслительнымъ способностямъ: дѣти начинаютъ учиться въ строгомъ смыслѣ слова... Но задача законоучителя теперь усложняется: какъ бы не увлечься однимъ голымъ ученіемъ безъ вліянія на сердце ученика. Но вотъ простой способъ противъ этого увлеченія: переходите къ Св. Исторіи, гдѣ столько образовъ, врѣзывающихся, такъ сказать, въ душу ребенка... Кто изъ насъ не помнитъ, какъ глубоко трогали насъ, въ счастливую пору дѣтства, разсказы изъ Св. Исторіи В. и Н. Завѣтовъ? Да мало того, что они вызвали у насъ сладкія слезы: они производили цѣлый переворотъ въ нашей душѣ! И какъ больно и обидно за тѣхъ, кто сухо усваивалъ эти исторіи, полныя жизни, движенія, любви, сердечной преданности Богу: въ этихъ случаяхъ вина всецѣло ложилась на законоучителей, не сумѣвшихъ уловить потребностей дѣтской души.

Всякому дѣлу свое время:—на взрослого человека Св. Исторія не производитъ такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ на ребенка: у ребенка такъ счастливо, безъ взаимныхъ противорѣчій, соединяются мыслительныя способности съ сердечными движеніями. Но я противъ, такъ сказать, книжнаго изученія Св. Исторіи: этотъ способъ изученія, право, не оставляетъ неизгладимаго вліянія на сердце ребенка. Постепенно и понемногу онъ начинаетъ смотрѣть на Св. Исторію, какъ на уроки—„отъ сихъ до сихъ“, безъ всякой связи съ жизнью, и слѣдовательно—безъ вліянія на нее. Изученіе молитвъ—то дѣло другое: молитва, даже при плохомъ изученіи, нужна ему въ жизни и онъ ее постоянно произноситъ—не дома, такъ въ церкви. Совсѣмъ не то Св. Исторія: по выходѣ изъ школы она, безъ ущерба, забывается. Да, да, забывается, какъ это ни печально! И забывается потому, что изучалась книжно,—„отъ сихъ до сихъ“. А между тѣмъ, Св. Исторію можно бы сдѣлать однимъ изъ увлекательнѣйшихъ предметовъ: изучайте ее не отрѣшенно отъ обыденной жизни, а въ связи съ ней; сравнивайте нашу жизнь, исполненную, подчасъ, противорѣчій, гнусныхъ несправедливостей, на силій и истязаній, съ жизнью ветхо-и-новозавѣтныхъ мужей, такой цѣльной, любовной, святой и если въ душѣ ветхо-и-новозавѣтнаго мужа совершался иногда, подъ вліяніемъ житейскихъ отношеній, поворотъ въ худую сторону, то какое, затѣмъ, вспыхивало въ душѣ его раскаяніе,—цѣлую, цѣлую жизнь продолжалось это раскаяніе! Крестьянскій мальчикъ всегда будетъ имѣть передъ глазами идеальный образъ св. мужа и, конечно, остережется и самъ отъ паденій. Одновременно съ такимъ изученіемъ достигается и другая цѣль: мальчикъ охотно будетъ читать и книжки нравственнаго содержанія. У него уже назрѣла—чисто естественнымъ путемъ—потребность разнообразить свои вкусы въ р. нравственныхъ вопросахъ: ему хочется знать, какъ другіе выполняли истины евангельскія,—какъ они боролись, страдали, падали—можетъ быть и снова поднимались... Мальчикъ, я увѣренъ, никогда не промѣняетъ чтеніе этихъ, полныхъ трагизма и священной поэзіи, книгъ на тѣ книжки, которыя сейчасъ охотно разбираются и еще охотнѣй забываются... Мнѣ,

пожалуй, могут возразить: при такомъ изученіи Св. Исторіи не можетъ быть „системы“, а слѣдовательно—подробнаго изученія исторіи В. и Н. Завѣтовъ. Но возраженіе это крайне несостоятельное: систематическое изученіе предмета и можетъ быть таковымъ, когда оно, на всю послѣдующую жизнь, составляетъ предметъ мыслей, чувствованій и поступковъ человѣка,—но что это за систематическое изученіе, когда оно, по выходѣ изъ школы, безъ ущерба забывается? Положимъ, школьная система того или другого предмета даетъ, такъ сказать, толчекъ для самообразованія, она—то русло, которое современемъ расширяется человѣкомъ сознательно и любовно... Но такъ-ли? Не бываетъ ли обратнаго явленія: кончилъ школу и забылъ все, и желанія никакого нѣтъ возобновить забытое? Все, вѣдь, дѣло въ томъ, что своевременно не развита въ дѣтяхъ любовь къ предмету, а какъ ее развить, если все ограничивалось классическимъ—„отъ сихъ до сихъ“, безъ всякаго приложенія къ жизни, къ ея потребностямъ? Невольно вспоминаются свои ученическіе годы: тоская по родинѣ и всей той обстановкѣ, какая окружала лучшую пору моей жизни, я, совершенно случайно, прочиталъ „Дѣтскіе годы Багрова внука“ С. Т. Аксакова. Какое, помню, сладкое чувство я испытывалъ при этомъ чтеніи: я жилъ съ этимъ мальчикомъ, восторгаясь тѣми нѣжными отношеніями, какія были у него съ дядькой, съ матерью и отцомъ, упиваясь картинами природы, самъ участвовалъ въ такихъ занятіяхъ, какъ ужение рыбы и т. д. Какое это было счастье! Всякій разъ, когда, бывало, на ночь ложисься въ койку, чтобы отдохнуть отъ цѣлдневныхъ занятій, я тихонько, украдкой, вынималъ изъ подъ подушки драгоценную книжку—и читалъ, читалъ ее... И ни малѣйшаго утомленія отъ бессонницы. А любовь какъ быстро росла—къ сельскимъ людямъ, къ сельской природѣ, къ сельскимъ животнымъ и птицамъ? Прошли десятки уже лѣтъ, а и теперь, посреди шума житейскаго и заботъ всяческихъ, вдругъ запахнетъ роднымъ воздухомъ и сердце задрожитъ, заколотится!..—Такъ вотъ и при систематическомъ изученіи предмета, особенно Закона Божьяго: уловите связь между Св. Исторіей и жизнью крестьянина, дайте возможность мальчику-крестьянину провѣ-

рять свою жизнь съ жизнью св.-историческихъ лицъ, сдѣлайте такъ, чтобы у него явилась потребность въ этой провѣркѣ. Какое это будетъ счастье! Какъ, современемъ, когда онъ вступитъ въ жизнь, онъ тщательно и любовно будетъ провѣрять ее; будетъ остерегаться всего дурнаго и всегда будетъ льнуть къ доброму, нравственно-высокому! Въ будущей крестьянской семьѣ, я увѣренъ, будетъ та гармонія, толчкомъ которой послужили уроки школьные: не будетъ разумѣтся, тѣхъ животныхъ отношеній къ женѣ, какія нынче такъ больно и, подчасъ, ужасно наблюдать, не будетъ тѣхъ матеріально-житейскихъ отношеній къ дѣтямъ, когда послѣднія выращиваются только лишь какъ рабочая сила... Да и весь строй крестьянской жизни, я увѣренъ, измѣнится: не будетъ тѣхъ явленій нашей общественной крестьянской жизни, когда подкупы, открытая продажа совѣсти такъ берутъ верхъ въ общественныхъ начинаніяхъ!—Часто мнѣ приходилось наблюдать такое явленіе: книжка р.-нравственнаго содержанія произвела, кажется, должное вліяніе на крестьянина, онъ задумался надъ своею жизнью, почувствовалъ желаніе нѣсколько оздоровить себя нравственно... Но прошелъ этотъ счастливый моментъ—и опять все пошло по старому: ни малѣйшаго измѣненія въ его жизни къ лучшему! Откуда эта беззаботная индифферентность къ своему положенію? Я думаю—и я увѣренъ, что она именно отъ недостатка воспримчивости еще на школьной скамьѣ! Тоже явленіе я наблюдалъ и во время виѣбогослужебныхъ собесѣдованій: кажется, всѣ тронуты вашей бесѣдой,—кажется, остается выполнять р.-нравственныя требованія Церкви... Но вышелъ народъ изъ церкви—и опять пошло по старому: ни малѣйшаго стремленія, хоть чуточку остеречься отъ паденій! Откуда это грустное явленіе, какъ опять-таки не отъ недостатка воспримчивости ко всей сельской грамотѣ еще въ молодые годы?! Замѣьте еще вотъ какое явленіе въ нашей сельской и станичной жизни: школа ежегодно выпускаетъ въ жизнь десятки грамотныхъ людей и, казалось бы, эти грамотные юноши—самое свѣтлое явленіе въ непроглядномъ мракѣ станичной и сельской жизни! Но... Но представьте себѣ, что эти грамотные люди—самое грустное явленіе въ станицѣ и селѣ! Нѣсколько стихотво-

реній за душой, умѣнье прочитати печатное слово, умѣнье рѣшити несложную задачу, нѣсколько св.-историческихъ разсказовъ безъ всякой связи съ окружающею жизнью,—и только! Но за то какая гордость надъ невѣжественнымъ людомъ и.. какая неопредѣленная потребность выбиться „въ люди“, то-есть занять должность писаря, выборнаго отъ общества, казначея и т. п.,—словомъ, попасть туда, гдѣ даютъ деньги и гдѣ можно самому ихъ брать!.. Какъ хотите, а это грустное явленіе и надъ нимъ стоило бы пораздумать... А я того убѣжденія, что это ненормальное явленіе именно отъ недостатка восприимчивости къ религиозно-нравственнымъ вопросамъ на школьной скамѣ. Преподавался имъ Законъ Божій—но какъ онъ преподавался? „Отъ сихъ до сихъ!“ А если и не „отъ сихъ до сихъ“, то опять-таки безъ всякаго отношенія къ жизни, безъ связи съ жизнью, съ потребностями и желаніями крестьянскаго общества... Какъ это печально! А между тѣмъ, какъ мало надо для того, чтобы своевременно, на школьной скамѣ, уловить эту связь и преподавать Законъ Божій для людей, а не какъ уроки „отъ сихъ до сихъ“.

Изучивши Священную Исторію такъ, что она стала въ полномъ смыслѣ слова достояніемъ человѣка на всю послѣдующую жизнь, естественно перейти къ выясненію Богослуженія:—Богослуженіе будетъ, такъ сказать, естественной потребностью духовно-просвѣтленнаго человѣка, обнаруженіемъ во внѣ всѣхъ, скопившихся въ душѣ, мыслей, чувствованій, желаній. Какъ не мыслимо прочное закрѣпленіе грамотности безъ дальнѣйшаго, такъ сказать,—безпре-

ривнаго приложенія ея къ жизни,—такъ не полно, не законченно религиозно-нравственное воспитаніе безъ виѣшняго Богослуженія,—безъ церкви! Все Богослуженіе—это заключительный аккордъ религиозно-просвѣтительной души и съ какой томительно-сладостной жаждой будетъ рваться душа человѣка въ церковь!.. Замѣчательно, даже въ неученомъ, темномъ народѣ жовуча эта чудная струйка чувствовать тотъ священный огонь, какой берегла намъ Церковь: какъ она боролась съ окружающею тьмой язычества, какія кровавыя преслѣдованія на нее воздвигались, какъ она, лучезарная, заблестала златыми крестами!.. И съ какими подробностями можно бы пройти съ учениками эту драгоценную исторію Церкви!—Но здѣсь мы встрѣчаемся и съ другими вопросами, которые особенно нужно имѣть въ виду законоучителю: вполнѣ ли *теперь, сейчасъ* Церковь господствуетъ духовно надъ народомъ и не приходится-ли ей и сейчасъ вести борьбу съ тьмой невѣдѣнія и ожесточенія? Опять, стало-быть, мы переходимъ къ обычной жизни: какая обширная, неисчерпаемая тема для воспитателя и воспитанника! Но какъ она легко и свободно разрабатывается, если при школѣ есть виѣкласная библиотека: воспитателю остается руководить воспитанниками, а послѣдніе, я увѣренъ, всегда, во всякое время, будутъ лнуть къ этой библиотекѣ въ надеждѣ почерпнуть изъ этого драгоценнаго сокровища тѣ нравственно-практическіе уроки, которые легко выполнить, не смотря ни на какія житейскія испытанія.

Свящ. А. Садовскій.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Давно воспѣвавшая приходъ „весны“ извѣстная часть нашего общества дождалась, повидимому, уже и „теплаго лѣта“. Безъ одѣянія виѣшней порядчности и безъ всякихъ прикрытій во всей наготѣ вышла она на просторъ и, несдерживаемая, нестройными голосами стала распѣвать о „правахъ“ „свободнаго“ гражданина. А среди этихъ общихъ голосовъ, позорящихъ и порицающихъ всё коренное русское, слышались и подголоски нашихъ учителей,

мнимыхъ „народниковъ“... Потянулъ и заяць за медвѣжье ушко... И они запросили „свободы“—свободы, по старинной либеральной погудкѣ, отъ духовенства, отъ старости и старшинъ, отъ инспекторовъ школъ и вообще отъ блюстителей доброй порядчности. Сердце рвется отъ боли за Русь, раздираемую виѣшними смутами, а они танцуютъ себѣ: свобода, свобода... Какъ походить это на выкрикиваніе толпы полуголодныхъ римлянъ: зрѣлищъ, зрѣлищъ,

зрѣ-влищъ... Ужели и дѣлъ то иныхъ не найдется у нихъ... Столько теперь учительскихъ и общеземскихъ съѣздовъ и на нихъ только и слышится толки учителей *о себѣ* о своемъ личномъ я, о людяхъ, до которыхъ честнымъ труженникамъ нѣтъ никакого дѣла и ни слова—о вѣрренныхъ ихъ попеченію школярахъ. Вѣдныя, забытыя дѣти!.. Кто же за васъ-то, за вашу дѣтскую чистоту, за вашу вѣру и нравственность?!

И всё это не фразы. Послушайте, въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ проводятъ время земцы и учителя „народники“, лишь только соберутся они въ „теплый“ уголокъ для бесѣды. Вотъ, для примѣра, голосъ учителей, о которомъ съ готовностію доводить до свѣдѣнія почтенной публики услужливая пресса. На общемъ собраніи земскихъ служащихъ въ городѣ Дмитровѣ, Московской губ., были заслушаны доклады *о нуждахъ народной школы, о правовомъ положеніи народнаго учителя, о духовныхъ запросахъ и условіяхъ дѣятельности народнаго учителя.* Наговорившись вдоволь о „безотрадномъ“ положеніи дѣла просвѣщенія и представивъ съѣзду „богатые фактическимъ матеріаломъ доклады“ „впечатлительные“ земцы единогласно, между прочимъ, постановили, что „народное образованіе должно быть реорганизовано на началахъ свободы, демократизаціи и децентрализаціи его путемъ согласія всѣхъ типовъ школъ, а главное путемъ *исключенія религіознаго элемента, какъ обязательной принадлежности школы, и установленія общеобразовательнаго характера школы съ свободнымъ преподаваніемъ*“¹⁾. Въ такомъ же приблизительно духѣ прошло бывшее почти одновременно съ упомянутымъ собраніемъ и другое собраніе учительскаго общества взаимопомощи въ городѣ Костромѣ, гдѣ было постановлено о необходимости немедленнаго прекращенія войны, о проведеніи широкихъ соціально-экономическихъ реформъ и объ амнистіи сосланнымъ за политическія и религіозныя убѣжденія²⁾. Что сказать по поводу всѣхъ этихъ перловъ земско-учительскаго раздумья? Какъ жалки, подумаешь, эти члены подобныхъ собраній, чуткимъ ухомъ внимающіе своему чревоушчанію и уловляющіе въ немъ

„раскаты революціонной бури“³⁾... Слово кошмаромъ какимъ обдержимые, начинаютъ они про Оому, а кончаютъ всегда про Ерему... Всё у нихъ помутилось, перепуталось... Думаютъ говорить о нуждахъ школы, о духовныхъ запросахъ учителей, а въ резултатѣ—впадаютъ въ большой бредъ и видятъ „зарю“ своей педагогической дѣятельности и оживленіе своихъ „духовныхъ“ запросовъ въ томъ будущемъ, когда изъ тюремъ выпустятъ разбойниковъ, ниспровергающихъ всѣ коренные національные православно-русскіе устои и когда изъ школы будетъ изгнана религія... И всё это сужденія педагоговъ, которые то и дѣло, слышишь, собираются на разные либеральничающіе съѣзды, о коихъ такъ часто гласитъ печать и на коихъ почти никогда не услышишь сужденій о дѣйствительно назрѣвшихъ педагогическихъ вопросахъ, отъ рѣшенія которыхъ хотя сколько-нибудь улучшился бы методъ преподаванія и общій характеръ нашего школьнаго обученія. До послѣдняго рѣшительно никому нѣтъ дѣла... А отчего происходитъ всё это? Безъ сомнѣнія оттого, что дѣло всегда труднѣе бездѣлья, что не такъ-то трудно указывать пальцемъ на другихъ—на инспекторовъ, старшинъ, писарей да на бюрократовъ, и искать въ нихъ причинъ своей разнузданности, что педагогическіе вопросы нуждаются въ серьезномъ отношеніи къ нимъ... А въ насъ такъ въѣлась привычка къ верхоглядству, которая и понуждаетъ насъ сваливать вину и неуспѣхъ въ школьномъ обученіи съ своей большой головы на здоровую... Нѣтъ, господа крикуны педагога, побольше дѣла, побольше серьезной вдумчивости, побольше самобичеванія и тогда не страшны будутъ намъ ни старшины, ни религія, тогда мы станемъ неотдѣлимою частью нашего православнаго глубоковѣрующаго, въ большей и нерастлѣнной части, народа: онъ полюбитъ насъ за нашу вѣру, за наше смиреніе, потому что смиреніе сердца есть первый залогъ успѣшной дѣятельности. Да сохранить же Господь Богъ нашихъ церковно-школьныхъ дѣятелей отъ увлеченія модными вѣяніями и да приумножитъ въ нихъ духовную мудрость—этотъ неоспоримый залогъ честной трудовой педагогической дѣятельности.

1) См. Русское Слово, 1905 г. № 142, 28 мая.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

Вышли новыя брошюры:

ПАСТЫРСКОЕ УТѢШЕНЕ
ХРИСТАНИНА

ВЪ БѢДСТВІАХЪ ВОЙНЫ.

Изъ словъ Митрополита Московскаго
ВЛАДИМИРА

Цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

Выписывающимъ 500 экз. и болѣе 30%
скидки.

ТРОИЦКАЯ НАРОДНАЯ БЕСѢДА КН. 29-я.

Тревоги нашихъ дней

и

НАДЕЖДА НА БОГА.

Внѣбогослужбная бесѣда ВЛАДИМИРА Митро-
полита Московскаго.

Цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

ЧТО НАМЪ
НУЖНѢ ВСЕГО.

Бесѣда Троицкаго инока,

Епископа Нікона,

Цѣна 10 к., съ перес. 15 к.

ТРОИЦКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Н А

БОЖЬЕМЪ ПУТИ.

Сборникъ разсказовъ и стихотвореній

изъ жизни народнаго учителя

С. Козубовскаго.

Цѣна 45 к., съ перес. 70 к.

Можно получать изъ редакціи Троицкихъ
Листковъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь по вѣрѣ, какъ цѣль воспитанія. (Къ вопросу о жизненности преподаванія въ школъ уроковъ вѣры и нравственности). *Димитрія Введенскаго.* — Экзамень. (Набросокъ изъ дѣйствительности). *Свящ. Ѳ. Введенскаго.* — Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова.* — Посѣвы и входы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ). — Изъ періодической печати. Религіозно-нравственное чтеніе въ связи съ преподаваніемъ Закона Божія въ народной школъ. *Свящ. А. Садовскаго.* — Нашъ дневникъ. — Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 31-я (четыре статейки).

Редакторъ Епископъ НІКОНЪ.

Печатать дозволяется. Виенія. Юня 24 дня,
1905 года. Цензоръ, Ректоръ Виенанской Духовной
Семинаріи, Протоіерей А. Вгльяевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.
За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная
цѣна на
журналъ 1 р.
съ перес.; вы-
ходить
ежемѣсяч-
но.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Во-
жіей Нивы“.